

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

МАЛКИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА,

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории экономики,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: mmuri@yandex.ru

В статье рассматриваются институциональные ловушки инновационного развития, выясняются их механизмы и последствия для российской экономики, предлагаются способы выхода из них.

Ключевые слова: институциональная ловушка; инновационное развитие; модернизация; рентоориентированное поведение; догоняющее развитие; общественные финансы.

Article examines the institutional traps of innovation development, their mechanisms and consequences for Russian economy, and the ways going out of them are proposed.

Keywords: institutional trap; innovation development; modernization; rent-seeking behavior; catching up development; public finance.

Коды классификатора JEL: E02, O31, O43.

В настоящее время в русле новой стратегии государства на инновационное развитие появился целый ряд статей, посвященных способам решения этой проблемы. При этом наблюдается явный дефицит исследований, демонстрирующих, какие институты сегодня не способствуют, а препятствуют достижению поставленной цели.

Инновационное развитие экономики является результатом взаимодействия трех составляющих. Эти составляющие: 1) *инновационный потенциал* — некая предпосылка инновационного развития, своего рода накопленный капитал, вовлекаемый в инновационный процесс, являющийся результатом прежней деятельности по формированию предпосылок инновационного развития. Сюда относятся: количество организаций, занимающихся исследованиями и разработками, количество исследователей, их качественные характеристики, развитость базы исследований и пр.; 2) *инновационные затраты* — поток расходов ресурсов на инновационную деятельность, направленных как на поддержание и воспроизведение потенциала инновационной деятельности, так и на его приращение и модернизацию. Это финансовые вливания, которые могут превратиться в любые элементы затрат (основной капитал, оборотный капитал, затраты на фактор труд и др.); 3) *инновационные результаты* — количественная и качественная характеристика производительности инновационных затрат.

Международные рейтинги инновационного развития, такие как «The Global Innovation Index» BCG&NAM, «The Global Innovation Index» INSEAD и «Innovation Capacity Index» (индекс способности к инновациям), свидетельствуют о том, что из трех составляющих инновационной деятельности у России несколько лучше обстоит дело с количественными показателями инновационного потенциала. Показатели инноваци-

онных затрат находятся в среднем диапазоне (правда в последнее время они увеличиваются за счет активной роли государства в инновационном процессе), и совсем низкие — показатели инновационных результатов.

В таблице 1 представлены некоторые показатели инновационного развития России в сравнении с другими странами мира. Они приводят к интересным результатам. Во-первых, наиболее высокие затраты на инновационную деятельность наблюдаются в скандинавских странах и в Израиле. Во-вторых, серьезное стимулирование изобретательской деятельности в Японии, США и Израиле выражается в количестве регистрируемых заявок на патенты. Проводится политика активного привлечения научной мысли из-за рубежа: так, доля регистрируемых заявок на патенты со стороны нерезидентов составляет 48% в США и 83% в Израиле. В-третьих, несмотря на скромные показатели инновационного потенциала и инновационных затрат, в Китае существенно выше показатели результативности инновационной деятельности, в частности доля высокотехнологичной продукции в экспорте промышленных товаров, что коррелирует с таким показателем, как количество торговых марок резидентов и нерезидентов. Данные таблицы свидетельствуют также о серьезном отставании России и Украины от развитых стран практически по всем показателям, кроме уровня охвата выпускников школ высшим образованием и удельных расходов на приобретение из-за границы авторских прав и лицензий.

При наличии общих условий, благоприятных для инновационной деятельности, успешные страны в то же время реализуют собственные стратегии инновационного развития. Например, в Сингапуре широко применяется налоговое стимулирование исследовательской деятельности, отменены ограничения на движение иностранного капитала и рабочей силы, происходит активное привлечение в страну квалифицированных специалистов вкупе с инвестициями в подготовку научных кадров внутри страны, осуществляется государственное финансирование развития инфраструктуры. В Исландии отдается предпочтение развитию промышленных кластеров и т.д. Эти стратегии нацелены на развитие институциональной среды, благоприятной для инновационной деятельности.

В России в годы рыночных реформ не происходило даже простого воспроизводства научно-технического потенциала, был серьезно нарушен цикл инновационной деятельности (Нуреев 2009, 14–16). В силу некомплементарности инновационного потенциала инновационные затраты в настоящее время не дают необходимой отдачи. Формируемые государством институты инновационного развития (например, только принятая в 2006 г. федеральная программа развития технопарков в сфере высоких технологий предполагала объем финансирования в размере 29 млрд руб. на 4 года) пока не востребованы в должной степени. Инновационная деятельность государства и бизнеса носит фрагментарный характер и не представляет единого целого. Неслучайно некоторые авторы пишут о необходимости взвешенных подходов к формированию национальной инновационной системы, предлагая стратегию последовательного развития «промежуточных институтов» в противовес государственной стратегии «шоковой терапии» в инновационной сфере (Полтерович 2009).

В России создаваемые и поддерживаемые государством институты инновационной деятельности не дают желаемого результата также ввиду «вязкости» институциональной среды, гасящей инновационные стимулы. Институтам, способствующим инновационному развитию, противостоят институты, препятствующие инновационному развитию, и пока вторые оказываются сильнее. Назовем их «*институциональными ловушками инновационного развития*», используя термин, предложенный В.М. Полтеровичем для подобного рода деструктивных обстоятельств, и посвятим им последующее изучение.

Таблица 1

Показатели инновационного развития в некоторых странах

Показатели	Россия	Украина	Китай	США	Германия	Япония	Дания	Финляндия	Швейцария	Израиль
Доля высокотехнологичного экспорта в общем экспорте промышленных товаров (2008 г.), %*	6,5	3,2	28,7	27,1	13,5	17,9	21,0	16,0	23,0	16,0
Количество заявок на патенты со стороны нерезидентов в расчете на 1 млн населения (2006 г.)*	69,2	51,7	61,1	703,5	162,3	568,7	35,1	38,9	50,1	1029,7
Количество заявок на патенты со стороны резидентов на 1 млн населения (2008 г.)*	195,2	61,1	146,9	761,7	599,7	2585,0	297,4	338,6	208,4	209,1
Расходы на исследования и разработки, % к ВВП (2007 г.)*	1,1	0,9	1,5	2,7	2,6	3,4	2,6	3,5	2,9***	4,7
Платежи по приобретенным авторским правам и лицензиям в дол. США в расчете на 100 тыс. ВВП, измеренного в дол. США (2009 г.)*	333,4	567,2	222,0	178,7	423,6	332,1	н/д	538,5	н/д	458,9
Поступления от продажи авторских прав и лицензий в дол. США в расчете на 100 тыс. ВВП, измеренного в дол. США (2009 г.)*	40,1	98,6	8,6	636,0	414,0	428,1	н/д	730,2	н/д	389,3
Коэффициент превышения платежей по авторским правам и лицензиям над поступлениями от их продажи (2009 г.)	8,3	5,8	25,8	0,3	1,0	0,8	н/д	0,7	н/д	1,2
Количество торговых марок нерезидентов (2008 г.)*	10350	3875	60704	32105	3829	10941	733	624	4705	3143
Количество торговых марок резидентов (2008 г.)*	30024	18496	590525	246220	70074	95658	4146	3846	11882	10658
Расходы на образование в % к ВВП**	2,76	3,33	1,62	3,58	3,34	2,52	7,82	5,88	3,62	6,04
Количество занятых исследованиями и разработками на 1 млн чел.**	3,56	н/д	1,67	4,7	3,67	5,38	5,2	7,54	3,73	н/д
Охват выпускников школ высшим образованием, %**	72,3	72,8	21,6	81,8	46,3	57,4	79,94	93,22	45,8	57,57

* Данные Всемирного банка, либо показатели, рассчитанные на основе данных Всемирного банка (World bank 2010).

** Данные, использованные при расчетах глобального инновационного индекса INSEAD 2009-2010 (INSEAD).

*** Данные за 2004 год.

Анализ литературы позволяет выделить следующие ловушки инновационного развития России.

1. *Психологическая неготовность* — это целый спектр проблем психологического характера, как-то: скептицизм и нигилизм либо, напротив, удовлетворенность и успокоенность, несклонность к риску, несклонность к изменениям, отсутствие понимания проблемы и способов ее решения.

В целом неформальные институты формируют общественную культуру и психологию. Они оказывают существенное влияние на ценности людей, их мотивацию, их мировоззрение, которое трансформируется в поведение в различных сферах, в том числе в экономике.

Так, российский ученый Е. Балацкий одну из своих статей специально посвятил проблеме взаимосвязи оптимизма как части культуры общества с инновационным развитием страны. Он утверждает, что особенности мировоззрения хозяйствующих субъектов («степень уверенности, уровень страхов, эмоциональный настрой (оптимизм или пессимизм)»), наряду с политической обстановкой в стране и спецификой осуществляемого проекта, влияют прежде всего на горизонты видения проблемы. Пессимизм в обществе сужает горизонты принятия решений, в то время как оптимизм эти горизонты расширяет (Балацкий 2010, 10). Оптимисты больше восприимчивы к инновациям, менее чувствительны к ошибкам в своих ожиданиях, медленнее и в меньшей степени на них реагируют. Когда пессимисты резко сужают горизонты планирования, оптимисты продолжают «надеяться на будущее» и ждать позитивных перемен (Балацкий 2010, 11). Следует отметить, что оптимизм или пессимизм в обществе нормальных людей имеет определенные предпосылки, а не возникает на пустом месте. С одной стороны, оптимизм (как и пессимизм) действительно может носить самоподдерживающий характер и определять генеральную линию развития. С другой стороны, он связан с оправдывающимися ожиданиями, для которых также есть свои границы терпения.

Известно, что инновационная деятельность связана с такими свойствами человека, как склонность к риску, предпринимательству, авантюризму, с активной жизненной позицией и здоровой агрессивностью. Однако некоторые ученые отмечают, что агрессивные стратегии в современной рыночной экономике России, Украины и других стран, находящихся в схожих институциональных условиях, приобрели отнюдь не инновационную направленность. В. Вишневецкий и В. Дементьев утверждают, что причина пробуксовок в инновационном развитии заключается в «специфической шкале ценностей отечественных предпринимателей» (Вишневецкий и Дементьев 2010, 46). Современная институциональная среда культивирует такие ценности, как эгоизм и агрессивность, соответствующие стратегиям индивидуального захвата экономической власти в условиях эволюционного выживания, в то время как инновационное предпринимательство основано на кооперации и отношениях партнерства, организационной идентификации (Вишневецкий и Дементьев 2010, 53–54, 59).

В унисон с этим звучит исследование Э.А. Паина. Главными причинами ненацеленности отечественных граждан на инновационное предпринимательство он считает то, что в России, по данным социологических опросов:

- «самый низкий в Европе уровень готовности населения к различным формам добровольной ассоциативной деятельности»;
- «один из самых низких в Европе уровень взаимного доверия»;
- «один из самых низких в Европе уровень уважения к правилам, нормам, причем не только формальным (т.е. к закону), но и неформальным — религиозным, семейным, традиционно этническим и др.» (Пайн 2010).

Признавая некую автономность культуры и психологии общества, в то же время следует учитывать комплементарность институционального пространства, определенное соответствие друг другу формальных и неформальных институтов. Так, политические институты в значительной степени влияют на настрой в обществе, на степень его оптимизма. В определенном смысле они участвуют и в формировании культуры общества. В странах с либеральной демократией, где гораздо больше свобод у граждан, как правило, выше уровень оптимизма. В странах с деспотическими режимами, подавлением личности естественным образом преобладают пессимистические настроения. Высокий уровень административной некомпетентности, чиновничья волокита и коррупция вряд ли сформируют положительный настрой и стремление к проявлению инициативы и творчества.

Следует согласиться с высказыванием А.Б. Вебера: «Инновационная экономика может сформироваться только в определенном социокультурном контексте, который предполагает свободу личности, творческую свободу, соревновательность и т.п.»¹. В то же время, характеризуя российскую ментальность, А.Б. Вебер пишет: «В шкале ценностей так наз. правящей элиты на деле первенствуют стяжательство, карьеризм, власть... В массовом сознании россиян преобладают «традиционалистские» ценности — следование привычному, боязнь перемен, патерналистские ожидания. Политика властей не способствует формированию сознания «модернистского» типа — с ориентацией на индивидуальную свободу, инициативу и предприимчивость. Трудно рассчитывать на модернизацию общества без социальных инноваций, поднимающих уровень культуры, нравственности, возвышающих человека»².

Однако в последнее время достаточно популярными в современной отечественной литературе стали ссылки на исследования, доказывающие, что определенного успеха в плане экономического развития и роста достигают государства с развитыми бюрократическими аппаратами управления и даже государства диктаторского типа. Например, исследования Т. Бесли и М. Кудамаци привели к интересным результатам, что «подавляющее большинство и экономических прорывов, и экономических катастроф произошли в диктатурах». Между тем, более глубокое изучение проблемы обнаружило, что «успешные авторитарные режимы отличаются двумя ключевыми чертами — регулярной ротацией руководителей и меритократией (системой, поощряющей карьерный рост по заслугам, а не в силу лояльности или коррупции)» (*Гонтмахер 2010, 5*). На наш взгляд, успех диктатур в плане модернизации (обычно догоняющего типа) более вероятен там, где власть имеет ярко выраженный моноцентрический характер. То есть там, где она по сути представляет из себя культ личности, при этом личности, нацеленной на уважение и в то же время пользующейся кредитом доверия и в аппарате, и в обществе, достаточным для формирования однонаправленных, а не противоположных усилий. В отдельных случаях таким центром притяжения может быть верхушка, партия или хунта, объединенная общей идеологией и общей целевой функцией. Тогда важным условием краткосрочной эффективности диктаторского режима становится отсутствие внутренних противоречий в госаппарате.

Исследования российских авторов также подтверждают, что автократичные модели могут быть вполне успешными в осуществлении стратегии догоняющей модернизации при условии консолидации (т.е. единства) бюрократического аппарата даже при наличии сильно персонализированных отношений власти и общества. В качестве

¹ См.: Теория и политика инновационного развития и новации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 2. 136.

² См.: Теория и политика инновационного развития и новации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 2. 136.

примеров приводятся Тайвань и Южная Корея (*Саблин 2010, 32–36*). Действительно, южнокорейские многопрофильные холдинги и семейно-клановые союзы «чеболи» (в Японии аналог — «дзайбацу») десятилетиями взаимодействовали с верхушкой власти по схеме: огромные суммы дани в обмен на неформальную поддержку, привилегии, инвестиции и передачу в собственность убыточных государственных активов (*Эксперт Казахстан 2008*). Однако эта безусловно порочная коррупционная схема длительное время вполне адекватно вписывалась в стратегию модернизации страны и участвовала в сотворении «южнокорейского чуда» (*Полтерович 2009*).

Но можно ли качество той институциональной среды, которая сформировалась тогда в Южной Корее, оценивать исключительно отрицательно? На наш взгляд, здесь требуются гораздо более взвешенные подходы. Монополизм и коррупция и в самом деле формировали негативную среду взаимодействия, что в конечном счете привело к смене курса правительства. В то же время во взаимодействии чеболей и властной верхушки можно обнаружить и поощрение личной инициативы, и (главное) создание некоего аналога рыночного обмена, причем обмена и эквивалентного, и справедливого в определенном смысле. Элементы рынка улучшали качество институциональной среды. В связи с этим вряд ли возможно проводить абсолютную аналогию с современной Россией. В Южной Корее не были распространены такие негативные явления, как захват чужого бизнеса или передел собственности при поддержке государства, да и не наблюдалось непосредственного сращивания власти и бизнеса, ротации бизнеса и политики, что мы имеем в России. Иными словами, бизнес и власть взаимодействовали как самостоятельные, хотя и сильно монополизированные игроки, не претендующие на чужую территорию. Таким образом, несмотря на исследования успешности диктатур и бюрократических режимов в некоем временном интервале, тезис о свободе личности, либеральных ценностях и рыночных принципах как базовых предпосылках инновационного развития все-таки остается в силе.

В то же время опыт Израиля свидетельствует о комплементарности политики общественного (государственного) финансирования исследований и разработок культивированию общенациональных ценностей. В этой стране не только свобода личности, но и возвращение идеологии патриотизма, отождествления интересов и целей индивидуумов с интересами и целями общества и коллективов дает позитивный результат. Между тем, эти ценности не противоречат ни идеалам творческой свободы личности, ни рыночным основам функционирования экономики, а, дополняя и взаимодействуя с ними, даже дают синергетический эффект. Такой эффект конечно более вероятен в малых странах, обладающих скудными ресурсами или даже вынужденных вести борьбу за существование, в странах с недружественным внешним окружением, к числу которых относится Израиль.

На инновационный настрой людей в определенной степени влияет официальная идеология и позиция государства в инновационной сфере. Между тем, люди могут доверять либо не доверять политике государства, своими действиями они могут ее поддерживать либо препятствовать ее осуществлению. Следует согласиться с мнением К. Эрроу, высказанным журналу «Вопросы экономики», что при наличии определяющих мотиваторов человеческой деятельности («жадность и страх») многое зависит также от представлений людей (*Гринберг и Рубинштейн 2010, 14*). Кроме того, успех той или иной политики управления инновационной деятельностью зависит от ожиданий людей, их умонастроений.

Итак, ценности, предпочтения, представления и ожидания людей определяют их поведение. При деформирующем влиянии этих направляющих человеческой деятель-

ности можно говорить об институциональной ловушке «психологической неготовности» общества к инновациям.

2. *Ловушки рентоориентированного поведения* — в странах, богатых природными ресурсами, к числу которых относится Россия, присвоение природной ренты становится более эффективной краткосрочной моделью поведения, чем разработка способов увеличения добавленной стоимости. Добавленная стоимость, создаваемая в секторе добычи, достается с меньшими усилиями и меньшим риском. При отсутствии инициативного управления институциональной средой, а тем более при наличии деструктивных институтов, в частности в сфере общественных финансов, государство и общество естественным образом оказываются нацеленными на развитие институтов создания и присвоения природной ренты, а не институтов преодоления ресурсной ограниченности. В таких странах часто развиваются недобросовестная конкуренция, политическое лоббирование и коррупция. В них снижается уровень демократии в политике, больше вероятность возникновения деструктивных диктаторских режимов, возникают проблемы с формированием гражданского общества (*Полтерович, Попов и Тонис 2007, 15*).

Борьба за доступ к сфере извлечения ренты делает первоочередными инвестиции в административный ресурс, или, выражаясь словами украинских ученых, «в создание системы экономической власти», которые противостоят инвестициям в получение прибыли от инноваций (*Вишневецкий и Дементьев 2010, 46*). Рентоориентированное поведение, порождая целый комплекс комплементарных себе институтов, становится устойчивой институциональной альтернативой инновационному поведению. Это происходит естественным образом, если государство не управляет институциональной средой, не создает конструктивные альтернативы институциональным ловушкам.

В ситуации управления институциональной средой, выращивания «хороших институтов» «ресурсное проклятие» из абсолютного превращается в относительное. Можно согласиться с В. Полтеровичем, В. Поповым и А. Тонисом, что «высокие доходы, в принципе, позволяют и стимулировать заимствование передовых технологий, и финансировать обучение специалистов, и лучше оплачивать структуры, ответственные за поддержание законности. Таким образом, влияние ресурсного изобилия на институты должно зависеть от того, является ли позиция правительства активной (в указанном выше смысле) или пассивной» (*Полтерович, Попов и Тонис 2007, 13*). Примером активной позиции государства является экономика Норвегии, где за счет доходов от экспорта нефти произошла, с одной стороны, модернизация разведки, нефтегазодобычи и нефтепереработки на базе высоких технологий: микроэлектроники, когнитивных процессов и пр. (*Мельников 2010; CNews 2009*), с другой стороны, созданы фонды развития инфраструктуры, осуществляются вложения в человеческий капитал, поддержку рыболовства и сельского хозяйства и пр.

3. *Ловушки догоняющего развития и копирования*. Копирование как краткосрочная модель поведения с экономической точки зрения может быть более эффективно, чем создание нового продукта, технологии или совершенствование организации. Функцией хозяйствующего субъекта может быть как максимизация прибыли, так и снижение затрат для достижения фиксированного результата. Именно эта вторая функция — минимизации усилий — объясняет, почему проторенный путь развития с точки зрения конкретного хозяйствующего субъекта нередко оказывается более эффективным, чем открытие нового пути. К тому же большинство хозяйствующих субъектов нацелено на удовлетворительный результат, а не на наилучший из возможных. И они будут приобретать ресурсы по минимальной цене, пока их использование в конкурентной среде позволяет им оставаться в этой самой зоне удовлетворительности.

Функция минимизации усилий, часто игнорируемая современной неоклассической теорией, где традиционно предпочтение отдается функциям максимизации (прибыли, полезности), позволяет ответить на многие вопросы. Люди не занимаются инновационной экономической деятельностью по тем же самым причинам, по которым они не разрабатывают новые методы счета или новые системы мер и весов. Они просто берут готовое знание и извлекают из него вмененную ренту, пока это возможно делать в кооперации с другими людьми. В этом смысле инновации могут возникнуть только в неких критических сферах, — таких, где под угрозу поставлено благополучие человека (коллектива, общества) или даже его выживание. Например, они могут появиться в сферах разработки заменителей исчерпаемых ресурсов, новых систем здравоохранения, безопасности жизнедеятельности, борьбы с терроризмом и т.п.

В то же время важной причиной эффективности стратегий незаконного копирования и заимствования является отсутствие действенных санкций за нарушение авторских прав. На это влияет вероятность выявления нарушения и правоприменения, а также тяжесть наказания. В последнее время недостаточность первого замещается избыточностью второго, о чем свидетельствуют единичные, но весьма яркие случаи возбуждения уголовных дел о нарушении авторских прав. Однако, как демонстрирует последний опыт России, во многих случаях на защиту обвиняемого встает общественность. Последнее свидетельствует о том, что нарушение авторских прав в некоторых сферах деятельности (например, касающихся прав на аудио- и видеопродукцию) превратилось в деструктивную неформальную норму, которой соответствуют собственные способы защиты.

4. *Нежелание бизнеса инвестировать средства (как собственные, так и заемные) в свое развитие*, вследствие чего происходит недостаточное воспроизводство базы исследований. Инновации связаны с инвестициями в специфические активы, приносящими доход в течение длительного периода времени, в то же время сопряженные с высокими рисками и неопределенностью. Между тем более предпочтительным нередко оказывается увеличение личного дохода владельцев бизнеса, сберегательная часть которого расходуется на стандартное портфельное инвестирование с сильно диверсифицированным риском.

Несклонность бизнеса к инвестированию в специфические активы объясняется разными причинами. Во-первых, «короткими дистанциями» его функционирования. Можно согласиться с В. Вишневым и В. Дементьевым: в условиях слабости государства (отсутствия надежных механизмов защиты прав собственности, неспособности власти принудить к выполнению контрактов) предприниматели больше всего боятся не естественного банкротства, а насильственного отторжения бизнеса. В этом случае они инвестируют средства не в механизмы развития, а в механизмы защиты бизнеса (Вишневский и Дементьев 2010, 48). Во-вторых, в условиях слабой защиты прав интеллектуальной собственности обостряется проблема некомпенсируемой положительной экстерналии и сопутствующая ей проблема безбилетника. Иными словами, бизнес не может защитить и собрать интеллектуальную и технологическую ренту, что подвергает его инновационный проект дополнительным рискам и неопределенности. В-третьих, существуют серьезные проблемы координации инновационного процесса, связанные с противоречиями интересов его участников: главным образом разработчиков идеи и владельцев бизнеса, осуществляющих ее коммерческое использование (Зинов 2006, 91). Причиной противоречия интересов, на наш взгляд, является неадекватность или неэффективность тех правил, которые регулируют контракты в области создания и использования интеллектуальных продуктов. Асимметрия, недоспецифицированность или недостаточная защищенность прав собственности субъектов, участвующих в инновационном процессе, снижает их стимулы к кооперации.

5. *Ловушки системы общественных финансов* — это целый комплекс проблем, связанных с низкой эффективностью производства общественных благ в современной России. В контексте инновационного развития эти проблемы приобретают особую значимость, потому что в условиях недостаточного инвестирования бизнесом средств большая доля расходов инновационного характера (в настоящее время 2/3) падает на государство.

Проблема государственного финансирования производства социально значимых благ, к разряду которых можно отнести фундаментальные исследования, и благ с положительными внешними эффектами, куда входит большинство прикладных разработок, имеет многоаспектный характер. Общие обстоятельства, снижающие эффективность госфинансов современной России, хорошо известны из «теории общественного выбора»:

- ◆ трудности выявления общественных предпочтений, что необходимо для достижения аллокативной эффективности в распределении средств;
- ◆ реализация законодателями с помощью известных особенностей политического процесса собственных целевых функций, лоббирование интересов конкретных бизнесов;
- ◆ рентоориентированное поведение чиновников, выступающих в качестве посредников между государством и обществом;
- ◆ недостаточность контроля общества за властью в силу проблематичности коллективных действий и «рационального неведения» избирателей.

Результатом всего этого комплекса проблем является:

- неявная приватизация представителями власти части общественных финансов;
- недопроизводство и низкое качество общественных благ, обладающих высокой полезностью для претендентов на их получение;
- сверхзатратность производства общественных благ из-за непроизводительного растрачивания ресурсов, отсутствия здоровой конкуренции на стадии заказа и наличия коррупционной составляющей;
- перепроизводство общественных квазиблаг, имеющих низкую или даже отрицательную полезность (т.е. сопряженную с дополнительными издержками) с точки зрения их получателей. Речь идет о разного рода инструкциях и разрешениях, выполняющих роль цены доступа в определенную сферу деятельности. Так, например, в Перу чиновники настолько усложняют систему взаимодействия с бизнесом, процедуры и регламенты, что предприниматели концентрируют свои усилия не на инновационном развитии, а на формировании политических связей (Саблин 2010, 36). Понятно, что в такой ситуации «общественный выбор» оказывается далеким от оптимального.

В силу этого попытка решить проблему финансирования инноваций за счет государственных средств не всегда оказывается достаточно успешной.

Неслучайно деятельность таких российских «институтов развития», как ОАО «Российская венчурная компания», ОАО «Российская корпорация нанотехнологий», Инвестиционный фонд РФ, подвергалась критике со стороны Президента РФ, СМИ, а некоторых из них — и проверкам со стороны Генпрокуратуры.

6. *Имитация инновационной деятельности*. Эта проблема напрямую связана с предыдущей, т.е. с неэффективным распоряжением общественными финансами. К основным причинам, по которым, финансирование могут получить лжеизобретения и лжеоткрытия, относятся следующие:

- 1) личные связи конкретного бизнеса с конкретными чиновниками — распорядителями общественных ресурсов;

- 2) применение при отборе заявок формальных требований и недостаток технической экспертизы у конкурсных комиссий;
- 3) плохой мониторинг и контроль расходования государственных средств, слабое отслеживание дальнейшей судьбы проектов, в том числе в силу реализации чиновниками целевой функции минимизации усилий, о которой как о некой мощной альтернативе функции максимизации полезности говорилось выше;
- 4) высокий уровень неопределенности исхода каждого конкретного проекта (известно, что из 10 проектов в лучшем случае «выстреливает» только один) снижает уровень ответственности как чиновников, так и получателей государственных грантов и привилегий, служит для них оправданием собственных промахов.

Своего рода ловушкой является и некомплементарность институциональной среды инновационной деятельности, отсутствие в ней организационного единства. Конечно, у любой системы есть потенциал «самоорганизации из хаоса». Однако этот потенциал может быть усилен, и его работа ускорена, благодаря соответствующей поддержке со стороны внутреннего управляющего механизма, который в некотором смысле должен «понимать» и предвосхищать логику «оформления» инновационной системы, достраивая отдельные кластеры и интегрируя их в общий механизм.

Таким образом, серьезные намерения государства относительно стимулирования инновационной деятельности наталкиваются на не менее серьезные ловушки инновационного развития, многие из которых имеют достаточно глубокие корни, сопряжены друг с другом и не могут быть преодолены в одночасье.

Краткосрочное решение данной проблемы видится в создании преференциальных зон, благоприятных для инновационного предпринимательства, в которых институциональным ловушкам должны быть созданы мощные институциональные альтернативы. Обычно в качестве такой альтернативы называют «Сколково». В то же время существует мнение, что сведение модернизации к территориально привязанному проекту — уже вчерашний день, ловушка «догоняющей модернизации», в то время как «современные информационные технологии и новейшие средства коммуникации позволяют успешно работать в исследовательской сфере коллективам, объединившим людей, которые проживают в разных уголках земного шара» (*Гонтмахер 2010, 5*). Конечно, территориально привязанные проекты, подобные «Сколково», не могут функционировать вне общенациональной институциональной среды, но территориальная изоляция в данном случае все-таки представляет лучшие возможности для изоляции институциональной, хотя бы и неполной. В силу этого интересным представляется предложение В. Мау целенаправленно формировать в таких зонах особые институциональные режимы (налоговое стимулирование, институты честных судей, честных гаишников, честных таможенников...)³.

В долгосрочном плане создание благоприятной для инноваций институциональной среды в масштабах национальной экономики невозможно без формирования базовых условий для развития предпринимательства, защиты прав собственности, поддержки добросовестной конкуренции, борьбы с чиновничьим произволом, взяточничеством и некомпетентностью, совершенствования инновационной инфраструктуры и международной кооперации в инновационной сфере. Элементами новой институциональной среды должен также стать комплекс мер экономической политики по стимулированию инноваций, формирование в обществе инновационной идеологии и культуры инновационного предпринимательства.

³ См.: Кредит доверия с Владимиром Мау // Эхо Москвы. 09.06.2010. (<http://www.echo.msk.ru/programs/creditworthiness/686096-echo/>).

ЛИТЕРАТУРА

Балацкий Е. (2010). Роль оптимизма в инновационном развитии экономики // *Общество и экономика*. № 1. 3–20.

Вишневский В. и Дементьев В. (2010). Инновации, институты и эволюция // *Вопросы экономики*. № 9. 41–62.

Гонтмахер Е. (2010). Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // *Мировая экономика и международные отношения*. № 10. 3–11.

Гринберг Р. и Рубинштейн А. (2010). Теория, инновации и контуры будущей экономики в диалоге с Кеннетом Эрроу // *Вопросы экономики*. № 10. 5–16.

Зинов В. (2006). Инновационное развитие экономики и управление им // *Общество и экономика*. № 6. 43–103.

Как заставить «Газпром» и нефтяников инвестировать в инновации? CNews консультирует государство // *CNews*. Аналитика. 30.11.2009. (<http://www.cnews.ru/reviews/index.shtml?2009/11/30/371525>).

Кредит доверия с Владимиром Мау // *Эхо Москвы*. 09.06.2010. (<http://www.echo.msk.ru/programs/creditworthiness/686096-echo/>).

Мельников Д. (2010). Бессмысленно спорить о том, что первично — модернизация или инновационное развитие // *Кремль.org*. Политическая экспертная сеть. 08 октября. (<http://www.kreml.org/opinions/257036096>).

Наследство чеболя // *Эксперт Казахстан*. № 28 (1765). 14.07.2008. Эксперт online. (http://www.expert.ru/kazakhstan/2008/28/sudba_kim_u_chzhuna/).

Нуреев Р.М. (2009). Россия: резервы институционального развития (как предпосылка и условие выхода из экономического кризиса) // *Журнал институциональных исследований — Journal of Institutional Studies*. Т. 1. № 1. 6–19.

Паин Э.А. (2010). Новации как продолжение традиций. О социокультурных условиях модернизации России // *Независимая газета*. 03 сентября. (http://www.ng.ru/ideas/2010-09-03/8_innovations.html).

Полтерович В.М. (2009). Проблема формирования национальной инновационной системы // *Экономика и математические методы*. № 2. Т. 45. 3–18.

Полтерович В., Попов В. и Тонис А. (2007). Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // *Вопросы экономики*. № 6. 4–27.

Саблин К.С. (2010). Государство развития в разных институциональных условиях // *Журнал институциональных исследований — Journal of Institutional Studies*. Т. 2. № 4. 30–46.

Теория и политика инновационного развития и новации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН // *ПОЛИС. Политические исследования*. 2010. № 2. 128–145.

Global Innovation Index 2009–10. Confederation of Indian Industry. INSEAD: The Business School for the World. 2010.

World Bank. Official site. (<http://data.worldbank.org/indicator>).